

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯКНИГА
О БОЛЬШОМ ТАЛАНТЕ

ТВОРЧЕСТВУ Леонида Леонова посвящено множество статей, рецензий и несколько книг, однако о пьесах его до сих пор не было ни одной монографии. Книга Л. Финка, изданная «Советским писателем», в значительной мере восполняет этот пробел.

Монография несет на себе следы тщательного и кропотливого изучения автором всего, что было опубликовано самим Леоновым и о нем, а также неизданных материалов из различных фондов. Критиком введены в научный оборот и фрагменты переписки Л. Леонова с М. Горьким, и отрывки из репетиционных стенограмм МХАТа, и автобиографические заметки драматурга.

Книга убедительно показывает нам, как трудны и в то же время целенаправленны были художнические искания Леонова, как пробирался он постепенно сквозь дебри так называемого чистого психологизма, как последовательно стремился к положительному герою. С этой точки зрения и рассматривает критик творчество писателя от первой его пьесы до последней, внимательно прослеживает, как у Леонова преимущественный интерес к утилитарному человеку из подполья сменяется искренней заинтересованностью в том, чтобы изобразить нового человека, героя нашего времени. И если в «Утилитарском» новая жизнь лишь глухо шумит где-то за сценой, а перед зрителем злобно озвучивают черваковы, сами терзаясь и терзая других, то в «Золотой карете» на переднем плане уже те, кому суждена светлая жизнь, а наиболее отвратительные из обитателей подполья спрятаны за кулисы.

Таковы крайние точки творческого развития драматурга, и на этом пути он не потерял ничего ценного из накопленного им опыта образного познания человеческой души.

Л. Финк, переходя от пьесы к пьесе, исследует мастерство писателя. Психологическая весомость слова, функции подтекста, символика речей, поступков обстановки действия — все это изучается подробно и квалифицированно.

Но сам по себе анализ художественных приемов еще не позволяет понять, как развивался талант драматурга, какое место занимает он в литературе. При решении вопроса об эволюции таланта и о месте художника в историко-литературном процессе возникает проблема традиций, проблема литературных влияний.

В период культа личности едва лишь заходил в критике разговор о традициях применительно к Л. Леонову, сразу же назывался Достоевский, причем влияние на выдающегося советского писателя — одного из крупнейших мастеров мировой литературы — признавалось фактом нежелательным. В рецензируемой монографии тоже говорится о Достоевском, но по-иному: автор не просто констатирует факт влияния, он показывает сложность отношения Л. Леонова к творческому наследию Достоевского, отмечает, что оно постепенно менялось, что, учась у Достоевского, Л. Леонов зачастую с ним внутренне полемизировал. Кстати сказать, позиция Л. Леонова по отношению к Достоевскому перекликается с позицией М. Горького, как она выразилась, например, в повести «Трое», и такое совпадение вряд ли случайно: оно выражает внутреннюю близость некоторых существенных сторон дарования обоих писателей. Л. Финк не ограничивается приведением одобренных высказываний великого пролетарского писателя о романах Л. Леонова. Горьковская традиция предстает в монографии как живая творческая стихия. В этом отношении очень интересно изучение горьковской традиции в связи с анализом

пьесы «Нашествие», в частности, сопоставление злобного маленького человека Кокорышкина с конторщиком Пологим из «Врагов».

Путь писателя от одной пьесы к другой рассматривается как процесс постоянного преодоления все новых и новых, сменяющих друг друга противоречий. Мы видим, что, как правило, художнику удавалось преодолевать инерцию уже накопленного творческого опыта, и тогда появлялись «Скутаревский», «Половчанские сады» (первая редакция), «Обыкновенный человек», «Нашествие» и «Золотая карета». Но бывали случаи, когда драматург подчинялся поверхностно воспринятому, и тогда появлялись наивные и надуманные детективные схемы второго варианта «Половчанских садов» (1936—1938), «Волка» (1938) и «Метели» (1939).

Исследователь убедительно показывает, насколько чужда была детективная мода конца 30-х годов самой природе леоновского дарования. В результате ни детективная схема не обрела потребную ей среду, и леоновский психологизм не мог должным образом развернуться в убогих рамках шаблонно-разоблачительной сюжетной конструкции.

Рецензируемая монография привлекает и тем, что в анализе пьес отсутствует шаблон — к каждой подобран особый ключ. В изложении материала господствует принцип свободной композиции: исследователь, рассматривая ту или иную пьесу, постоянно перебрасывает мостики к тому, что было написано до или после изучаемого в данный момент произведения, и не боится повторов, так как всякий раз подходит к пьесе с новой, еще неизученной стороны. Например, говоря о композиции трагедии «Барсуки», автор убедительно показывает, как постепенно, от пьесы к пьесе, становилась драма Л. Леонова все более сжатой во времени сценического действия, как изживалась

хроникальность, как сюжетно-композиционная структура его пьес становилась в идейно-психологическом отношении все более насыщенной.

В результате читатель «Драматургии Леонида Леонова» получает возможность увидеть путь художника в целом — от первой и до последней пьесы, каждая из которых изучена не только сама по себе, но и в связи с другими пьесами того же автора, в отношении ко времени написания, к литературному процессу.

Однако, стремясь подчеркнуть эволюцию драматурга, критик, что называется, нажимает на педали. Справедливо отмечая, что в творчестве Леонова «от пьесы к пьесе усиливалась социальная типичность его действующих лиц, социальная обусловленность отстаиваемых ими идей» (стр. 336), Л. Финк утверждает: «Этот важнейший реалистический принцип был еще чужд автору «Утилитарского», но полностью определил все многообразие этических и эстетических принципов «Золотой кареты».

Да, конечно, между первой и последней пьесой драматурга — дистанция огромного размера, однако отказывать персонажам «Утилитарского» в социальной типичности нет, мне кажется, никаких оснований. Разве Черваков, Буслов и Гуга внесоциальны? Разве тот перелом, который происходит с Бусловым, не связан с революцией, встряхнувшей даже сонное утилитарское житийшко? Разве озлобление Гуги, считавшего себя революционером и отвергнутого революцией, лишено социальной определенности? И, наконец, философия Червакова? Разве не рождена она протестом против новой жизни, не вдохновлена определенными социальными настроениями?

Но если Леонов «Утилитарского» и Леонов «Золотой кареты» резко противопоставлены друг другу по важнейшим показателям, то трагедия «Барсуки», наоборот, неоправданно

приближена к пьесам последующих лет. Л. Финк считает, что, инсценируя роман, автор установил «какие-то новые идейные акценты», что от этого выиграли и образы деревенских коммунистов и образ комиссара Антона — Павла Рахлеева.

Действительно, характеры сельских большевиков

выиграли от того, что, работая над трагедией, Л. Леонов совершенно заново написал исполненную драматизма сцену заседания деревенской ячейки накануне мятежа, однако Павел Рахлеев остался таким же, как и в романе. По-прежнему мы видим Павла лишь в начале и в конце. Павел из Заряжья и комиссар Антон, присланный для подавления мятежа, лишены соединительных звеньев, это как бы два разных человека в одном лице. Что же касается дополнений к репликам комиссара Антона, появившихся в инсценировке, то, во-первых, сам исследователь признает, что хотя дополнений и много, однако все они носят характер «мелкой правки», а, во-вторых, внося нечто новое, Леонов допускал потери, неизбежные при переломе романа в пьесу.

Поэтому вряд ли есть основания считать, что если в романе «образ Антона действительно растворялся среди других, значительно более ярких фигур мужиков и зарядьевцев», то в пьесе «впервые он занял центральное положение в сюжете».

...Книга о драматургии Леонида Леонова прочитана. Объем газетной статьи не позволяет подробнее говорить о достоинствах и недостатках исследования, но дело, разумеется, не в арифметическом соотношении упреков и похвал, а в том, насколько удалось критику нарисовать портрет драматурга. Л. Финку это, безусловно, удалось. В его работе сочетается историко-литературная основательность и живость изложения, меткость критических оценок и публицистическая острота. Есть, следовательно, то самое, что делает литературоведческое исследование интересным не только для нескольких сот специалистов, но и для тех, кого принято называть «широким читателем».

... СКОБЕЛЕВ,

Кандидат филологических наук.